

Издательский Центр
Научного Просвещения

ISSN 2224-0179

Научно-практический журнал

ПРИВОЛЖСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 12 (16)

декабрь 2012

Издается с сентября 2011 года

Выходит 12 раз в год

Учредитель, издатель: ИП Самохвалов Антон Витальевич

E-mail издательства: icnp@mail.ru

Сайт издательства: icnp.ru, icnp.rf

Почтовый адрес издательства: 426006, г. Ижевск, ул. Клубная, 61, а/я 3171

Главный редактор: А.В. Самохвалов

E-mail редакции: pnv-icnp@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО "ПервопечатникЪ":

426000, г. Ижевск, ул. Красногеройская, д. 38а; тел./факс: (3412) 937001, 937011

Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,5.

Подписано в печать: 20.12.2012 г. Тираж: 150 экз. Заказ № И00909.

Ответственность за содержание статей и качество перевода информации на английский язык несут авторы публикаций.

© «Приволжский научный вестник», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Эшмаматова Н.Б., Акбаров Х.И. Исследование эффективности разработанных олигомерных ингибиторов в производственных условиях электрохимическими методами 4

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреев Д.Е. Перспективная оценка электропотребления химического многономенклатурного предприятия..... 13

Юрченко В.И., Юрченко А.В., Майкова О.В. КВЧ-радар на диоде Ганна 20

Юшков Б.С., Добрынин А.О. Определение величины выпора куста из двуконусных свай силами морозного пучения в полевых условиях 23

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Уткин А.А., Ратникова О.Г. Периодическая печать города Казани как источник изучения либеральных идей на рубеже 50-60-х гг. XIX в..... 38

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Айдаркина Е.Е. Водопользование Ростовской области: основные проблемы и пути их решения..... 43

Крутихин Д.Л., Ревенко Н.Ф. Разработка модели управления запасами сырья для подразделений технического обслуживания и ремонта на предприятии промышленности 50

Филиппова Ю.А. Особенности развития экономического механизма обеспечения финансовой устойчивости банковской системы..... 63

Усков И.В. Контроль над эффективностью исполнения бюджетных программ на местном уровне..... 68

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Маликов М.Ф. Истоки регионального права 77

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Благовестный А.Ю., Шишкина С.Г. Курс «Практика устной речи» в подготовке специалиста-переводчика в сфере профессиональной коммуникации: заметки преподавателя..... 90

Шадрина А.В. Инновационная педагогическая технология формирования креативного потенциала учителя в процессе преподавания общеправовых дисциплин..... 94

Сейдафаров Р.А., Алексеева Т.А. Принципы и формы работы научного общества учащихся 99

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Пронищев В.В., Соловьев А.А., Михайлов А.Ю. Метод лечения трофических язв кожи... 103

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Павлов Д.Н. Композиционная техника К. Дебюсси в лирической драме «Пеллеас и Мелизанда»: новая трактовка жанра оперы 110

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.Ф. Маликов

*д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного права,
Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений»,
ученый секретарь, Региональная общественная организация «Академия информа-
тизации образования» Республики Башкортостан*

ИСТОКИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В данной статье рассматривается институционально-двуединная концепция регионального права с позиции согласования как прежних (дореволюционных), так и современных интересов федеральной власти и интересов региональной власти.

Ключевые слова: дискреционное региональное право, государственные объединения, децентрализация власти, монополизация суверенитета, проконституционное законодательство, профедеративные отношения, шариатское право, регионально-проконституционное законодательство, государственность.

M.F. Malikov, Bashkir Institute of Social Technologies (Branch) Academy of Labor and Social Relations

ORIGINS OF THE REGIONAL LAW

Abstract. This article examines the institutional and dual concept of regional harmonization of law with the position of both old (pre-revolution), and the recent interest of the federal government and the interests of the regional authorities.

Keywords: discretionary regional law, state associations, decentralization of power, the monopolization of sovereignty prokonstitutsionnoe legislation profederativnye relationships, Sharia law, regionally prokonstitutsionnoe legislation statehood.

Актуальность изучения истоков регионального права обусловлена необходимостью определения процесса федерализации в России в историческом аспекте сочетания общего и особенного. В связи с этим возникает необходимость выявления протогосударственных структур (ранние государственные объединения) типа «Баскирдии», «БашДжерда», «Баш-Керда», «Башкирда», «Басджарта» и закономерности развития государственности Башкирии, Башкурдистана, Башкортостана на различных этапах организации взаимодействия двух административно-территориальных единиц и двух разных уровней власти при ведущей роли федерального законодательства.

Генетические основы институционально-двуединой концепции регионального права включают как правовые элементы, так и взгляды, общественные, государственные, конституционные, политико-правовые мысли, договоры [1], институты, учреждения, регулирующие административно-территориальные отношения на уровне: улусов, барунгаров, джунгаров, туменов, тысяч; воеводств, наместничеств, генерал-губернаторств, кантонов, земств, волостей, юрт (урт), уездов, губерний, провинций, штатов, районов в условиях абсолютизации и децентрализации власти в России.

Особенность «монополизации суверенитета (власти) слоев управленцев» [2, с.

7-8] России и Башкортостана определяется ее ролью (значением) в системе договорной автономии и административно-территориальных единиц местного управления. В них выделяются социально-экономические, политико-правовые, идеологические, нравственные и культурные факторы. Причем эти компоненты государственности изучаются не только с позиции современной внешней формы административно-территориальных единиц, но и на основе истоков социальных «скелеток» (кочевники, земледельцы, скотоводы, тарханы, крестьяне [3, с. 140-153; с. 315-326], холопы, промышленники, мещане, обыватели, посадские, гильдии, дворяне) [4, с. 38-65] и социальных институтов (прообразов государственной автономии и административно-территориальных единиц) типа Янь (государство племен Южного Урала), полисов (города Аркаим, Уфа 1, Уфа 2, Башкорт, Кала-Тау, Хан-Кала), толосов, тардумов, воеводств, Эль, Орд, Каганатов, Бурзянской Федерации, Едигей, Дешт-и-Кыпчаков [5, с. 27-30] (государство Бату), Джунгарских ханств, Табынское государство (племенной союз), Кангуй (государство гуннов), Ишимбайских ханств (переходное государство), государство Кара-ханов [6, с. 21-27].

При определении сущности регионального права в качестве исходного определены **этапы** становления и развития «дискреционного [7, с. 294] регионального права», «регионально-проконституционного законодательства [8]», «конституционно-уставного регионального права» в рамках «протофедерации», «полуфедерации», «квазифедерации», «государственной автономии», «регионалистического государства» при наличии одного из социальных институтов государственности **оседлого населения [9]**, поскольку союз племен становится прообразом «федерации».

Данный вывод заслуживает внимания в силу того, что до сих пор нет достоверных сведений о наличии государственности [10, с. 16] любой страны, в том числе, в ранний период у русских и башкир. Правда, труды Ибн Фадлана, Джиованни дель Плано Карпини, Гийома де Рубрука, а также башкирские шежере и эпосы позволяют судить о самостоятельной форме правления на данной территории до XIII века. Относительно этого же периода С.И. Руденко, ссылаясь на Абу Заид аль-Балхи, указывает, что западные районы Башкирии были в составе и подвластны Булгарскому государству. О наличии в 1235–1236 гг. у башкир собственного правителя – хана – указывает в своем отчете венгерский монах Юлиан [11].

Ценность данной темы заключается в определении башкирского варианта формирования федеральных отношений на фоне всемирного процесса федерализации и признании договорных начал эталоном (образцом) дальнейшего развития мирового федерализма, а в отдельных регионах – основой формирования государственности.

Данное исследование связано также с потребностью выявления механизмов и принципов управления, обеспечивающих эффективную деятельность органов представительной власти на местном уровне; с установлением надлежащего баланса между централизацией и децентрализацией, адекватного историческим условиям страны и задачам, выполнение которых должно осуществить местное самоуправление; с созданием слаженного механизма взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления; действенного реагирования на непредвиденные ситуации; с выявлением всех видов потенциальных ресурсов и усилением ресурсообмена на местном уровне; с совершенствованием системы самоуправления как неотъемлемого ин-

ститута народовластия.

Исходя из этих постулатов, в статье признается применимость для правовой системы любой формы автономии и протофедерации (федерации) одновременная реализация трех основ права: «нормативной» Г. Кельзена [12, с. 114], «производной» Р. Аго [13, с. 302], «отсылочной» Ф. Савиньи [14, с. 28].

Согласно «нормативной теории», правовая система представляет собой совокупность норм, логически выведенных из одной «основной нормы» (напр., конституция, договор, положение и др.). Поскольку региональная правовая система (напр., Положение о губернских и уездных земских учреждениях [15], Учреждение Губерний в Российской Империи [16], Учреждения для управления Губерний Российской Империи [17], Договор о присоединении, Положение о башкирах и др.) выводится из основной нормы (напр., Управление Губерний в Российской Империи), постольку правовые отношения в рамках «протофедерации» (федерации) выступают как единая система. Однако социальное содержание и юридический характер правовых норм края и регионов могут иметь различный характер. Но между этими нормами было (есть) общее: они одинаково отражали (отражают) объективные факторы, т.е. географические и исторические условия существования России и Башкирии [18, с. 16-24].

Сущность теории «нормы-производителя» заключается в согласовании правовых систем и способности производить относительно самостоятельные нормы в рамках России как государственно-территориальных единиц (центральная власть) и автономии Башкортостана как административно-территориальных единиц в начальном этапе формирования федеративных отношений в России.

Теория «отсылочной нормы» исходит из того, что федеральная правовая норма (напр., Свод Законов) России (РСФСР, РФ), отсылая к региональному закону (напр., Положение о башкирах) Башкирии (Башкурдистан, БАССР, РБ), согласует региональное право, как бы «национализируя» региональную (местную, краевую, областную) правовую норму, превращает ее в норму собственного права (собственного законодательства) [19].

Следует подчеркнуть, что прежние исследователи не обратили внимание на правовую норму как «первооснову системы права» [20, с. 197-199], поскольку у них не было четкого представления о структуре губернских, уездных, земских учреждений, соответственно о различных видах автономии и федерации на различных этапах децентрализации власти [21, с. 15-16]. Ввиду теоретической не разработанности этих институтов в рамках губерний Всероссийской Империи, договоров о союзе, положений о башкирах и других политико-правовых актов им было сложно усмотреть (находить) самостоятельные признаки регионального права автономии в условиях централизованного (федеративного) управления в России [22]. Тем более, на определенном этапе сформировался круг вопросов, решение которых с позиции классической теории правовых норм возникали серьезные затруднения [23, с. 75-84].

Практическая значимость институционально-двуединой концепции регионального права Башкортостана заключается в разработке современной регионализации функций государства на основе согласованного суверенитета и разделения полномочий [24, с. 260-262] органов власти [25, с. 171-80; 100; 5] в условиях трансформации федеративных отношений.

В статье основными критериями развития регионального права признаны: 1) развитие структуры права (отрасли, институты, их предметы, методы, границы); 2) характер нормативно-правовой техники законоотворчества; 3) изменение типов (способов) правового регулирования правового статуса личности; 4) динамика социальной и духовной ориентированности права, его функций, взаимосвязей с государством и (или) обществом; 5) изменения в соотношении национального и иностранного элементов в рецепции правового материала [26, с. 80-99; 180-199; 18-31].

В такой сложной и многоплановой теме, какой является представленная статья, ряд менее значимых вопросов остался без соответствующего внимания в силу их теоретической неразработанности, а также их динамичности в законодательстве России и Башкортостана. Их обсуждение и всесторонний анализ позволит преодолеть те научные трудности и пробелы, с которыми сталкиваются и современные ученые при формировании регионального правотворчества и практические работники при осуществлении регионального законодательства в условиях децентрализации власти.

Поскольку данная статья является первой попыткой собрания истоков регионального права по материалам Республики Башкортостан, то она не может быть свободной от упущений и недостатков – как в отношении полноты приводимых сведений, так и в самом их выборе [27].

В связи с этим интерес к исследованию проблем регионального права по материалам Республики Башкортостан вызван не только отсутствием подобной работы [28, с. 11], но и тем, что без национально-государственных образований, носящих название того или иного коренного народа, то есть без современных (прежних) субъектов, фактических учредителей и составных частей федерации («протофедерации») нет и самой России как любого этапа федеративного государства. Научно-исследовательские краеведческие работы активизировались в начале XX в. [29, с. 20-21]. Тем не менее специально не изучен прежний механизм формирования дореволюционного «прорегионального» регионального законодательства. Признание регионального права способом реализации компетенции как дореволюционных административно-территориальных единиц, так и современных органов государственной власти субъектов Российской Федерации недостаточно раскрывает содержание регионального права, так как речь идет лишь о внешнем проявлении процесса современного (прежнего) правотворчества, т.е. о форме взаимоотношений центра и регионов, хотя посредством функционального подхода к ведению полномочий субъектов Федерации («протофедерации») можно выяснить формальные (а не содержательные) пределы его проявления [30, с. 7-8]. Вопрос сводится к пониманию относительной территориальной самостоятельности Башкортостана на условиях вотчинного права до первой половины XVIII в., а с переводом восточных границ России с реки Кама на Яик на условиях провинциального права [31, с. 98-122; 221-231; 146]. Применительно к истокам нашей темы речь идет о ранних видах автономии и «протофедерации» на территории Башкортостана в составе Монгольского, Московского государств [32, с. 68-97], Башкурдистана и БАССР в составе РСФСР, Республики Башкортостан в системе Российской Федерации [33, с. 95, 132, 144, 182, 215, 264, 334].

К числу обстоятельств, обусловивших изучение регионального права по материалам Республики Башкортостан, следует отнести также необходимость выяснения

соответствия прежних научных подходов к суверенитету республики, не имеющей аналога государственного строительства среди субъектов (регионов) России (РСФСР, РФ).

Дело в том, что исследователи края подчеркивают отсутствие у башкир **своей письменности, значит, и своей государственности**. Вместе с исламом суннитского толка к ним проникла арабская письменность. Ею башкиры пользовались вплоть до начала XX в. [34]. Время приобщения башкир к мусульманской религии (и соответственно заимствования арабского письма) с достоверностью не установлено. В X в. башкиры не были еще мусульманами. Судя по имеющимся источникам, распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось не ранее XIV–XV вв. [35]. Наиболее ранние башкирские тексты на основе арабской графики были составлены в XVI в., но и они дошли до нас в поздних копиях. Аутентичные тексты (на так называемом языке тюрки) датируются лишь XVII–XVIII вв. Это хранящиеся в ЦГАДА различного рода челобитные, купчие записи, письма башкирских старшин представителям царской администрации.

По мнению Р.Г. Кузеева, остались нераскрытыми или спорными многие вопросы этнической истории башкир, следовательно, концепции регионального права по материалам республики. Как известно, к ним отнесены: этническое определение большинства археологических культур на территории исторической Башкирии в I тыс. н. э.; время, направление и масштабы проникновения тюрков в Волго-Уральский регион; роль финно-угров вообще и древних венгров в частности в этногенезе башкир; этническая характеристика племенных групп, явившихся компонентами в сложении башкирского этноса; территория формирования древнебашкирского этноса; общность и различия в этническом развитии башкир и татар; характер взаимодействия местного и пришлого компонентов и удельный вес каждого из них в формировании башкирской народности; значение поздних миграций в этнической истории башкир; социально-экономические и политические предпосылки, обусловившие консолидацию башкирской народности.

Р.Г. Кузеев также считал, что эти пробелы в науке были обусловлены дореволюционной общей концепцией древней и средневековой истории башкир и Башкирии.

Это выражается в том, что еще в XIX в. наметилась тенденция рассматривать Башкирию эпохи древности и средневековья как относительно замкнутый район, доказательством которого является отсутствие каких-либо сведений о башкирах в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Анализ сложных этнокультурных, хозяйственных и социально-политических процессов, опирающийся на оценки, имеющие преимущественно региональное значение, неизбежно вел к сужению исторического фона исследования, к этноцентризму в оценке исторических фактов и явлений [36, с. 152-200]. Отсюда исследователь, поставивший перед собой задачу реконструировать сложнейшую картину этнической истории башкир, в том числе регионального права Башкортостана, неизбежно встает перед необходимостью изучать, а в ряде случаев по-новому решать многие общие вопросы древней и средневековой истории Башкирии и ее истоков. Можно утверждать, что главной трудностью является ошибочное понимание источников, на основе которых можно было бы развернуть страницы истории становления «проконституционного» башкирского законодательства [37, с. 84-87].

Истоки определения соотношения российского и регионального законодатель-

ства выражались в том, что договоры с монголами, наказания в Новое Уложение XVIII в. были инициированы центральной властью с одной стороны, а с другой – башкиры присылали их своим депутатам в Уложенную комиссию (1767–1768 гг.). Характерно то, что результаты реализации наказов относительно самостоятельности башкир не входили в сферу интересов центральной власти, хотя башкиры сохраняли вотчинное право, значит и региональное право, на свои исконные территории, и Московское государство обязывалось его защищать. При этом сохранялась автономия башкир в пределах их территории, сохранялись религия, обычаи и обряды (содержалось обещание государя «никогда не силовать» башкир к смене вероисповедания [38, с. 28]). В этом плане в региональном праве нельзя не учитывать и того, что башкиры обязывались уплачивать четко определенный ясаk, обязывались нести военную службу и охранять восточные границы Московского государства. Условия Шежере (договор) «О подданстве Белому Царю» башкирских племён усерган, юрматы, тамьян, кыпсак и бурзен с правительством Ивана Грозного, заключённый в 1557 г. и положивший начало вхождению башкирских земель в состав России [39, с. 28-29], были взаимовыгодными [40, с. 64-68].

В литературе существует вполне обоснованное утверждение о том, что неоправданно сводить политико-правовое развитие лишь к появлению актов, формально именуемых конституциями. Следует также учитывать и акты конституционного уровня и взгляды ученых, просветителей, политических и общественных деятелей о политико-правовом устройстве той или иной территории, сформулированные в их трудах и являющихся прообразами основного закона государственного образования [41, с. 17-21]. Договор о добровольном вхождении башкирских земель в состав Русского государства характеризуется признаком верховенства для башкир, обладающим, в то же время, признаком высшей юридической силы и имеющим прямое действие во взаимоотношениях башкирских земель и Московской Руси. Данный договор, как и последующие подобные договоры Руси с землями болгар, казахов, татар, стали ядром правовой системы, определяющие роль для всей системы текущего законодательства, регулирующие взаимоотношения и взаимные обязательства Центра и Башкортостана. Положения договора выступали в качестве первоосновы. Стабильность данного договора заключалась в том, что вольности башкирским племенам даются на «вечные времена», которая способствовала стабильности регулируемых им общественных отношений. Как только центральная самодержавная власть попыталась изменить в одностороннем порядке эти предписания, башкирские племена стали подниматься на восстания, в целях сохранения самостоятельности.

Эти же признаки регионального права присутствуют в государственно-правовой программе Батырши (Абдуллы Алеева), текстах наказов башкир для составления Нового Уложения 1767–1768 гг., законодательных актах о введении кантонной системы, «Положении о башкирах». Стремление к законодательному урегулированию взаимоотношений с центральной властью содержится и в письмах Туктамыша Ижбулатова, и во взглядах просветителей, политических и общественных деятелей башкирского народа конца XIX – начала XX в.

Таким образом, основными элементами «проконституционного» законодательства могут быть: государственно-правовые акты (договоры центральной власти с составляющими ее территориями, указы и законодательные акты центральной власти об

изменении статусности входящих в состав государства территорий, декларации и проекты государственного строительства и т.п.); взгляды (учения) политических и общественных деятелей о политико-правовом устройстве государства; предложения (наказы) от населения при обсуждении государственных актов до их принятия. Отсюда задачи раскрытия сущности, функции, механизма действия прежних договоров, дореволюционных нормативных актов, декретов советской власти связаны с конкретно историческим содержанием целостной системы регионально-местного и территориального управления на фоне мировой истории.

Отсюда вытекает вывод о том, что идеи «проконституционного законодательства» и «протофедерации» обосновываются этапами российского государственного суверенитета в дореволюционной России на основе: договоров о присоединении башкирских земель к Золотой Орде и к Русскому государству (вторая половина XVI в.); наступления российского правительства на права башкир и их сопротивление (XVII – сер. XIX вв.); «Положения о башкирах», предусматривающих относительную самостоятельность башкирского народа (сер. XIX – нач. XX вв.).

Характерно то, что **первый этап** относится к периоду объединения славянских племен вплоть до образования единого суверенного государства, способного утвердить и отстоять свою политическую и экономическую независимость. **Второй этап** связан с возникновением из хаотически организованных территорий Российского централизованного государства и становлением российской имперской суверенной государственной системы. **Третий этап** берет начало со времени, когда в России установилась абсолютная монархия [42, с. 10-11]. Это была третья по счету форма государства в России, утвердившаяся после раннефеодальной и сословно-представительной монархий. Абсолютизм означал сосредоточение в одних руках полноты государственной власти [43, с. 48].

По существу вся история Руси удельного уклада есть постепенное развитие федеративного начала [44]. Иными словами, идея федерализма, как политика, возникла в России как опосредующее звено между тенденцией национального сепаратизма и российского унитаризма [45, с. 66, 72]. Литературные источники [46, с. 9-10, 102-108; 745-757; 153-160; 14; 169; 256-269] к важнейшим особенностям государствообразования России относят: внедрение самоуправления (сначала сословное, а затем земское), автономии Польши и Финляндии (собственные конституции), региональные традиционные органы управления (Средняя Азия, Сибирь), территориальное несовпадение действия органов административного управления со сферой деятельности финансовых, судебных и иных структур. Значение подобных форм децентрализованного управления следует еще изучать с позиции политического маневра, обеспечивающего гибкость и гармоничность управления, не нарушающего унитарного характера российской государственности [47, с. 67].

Некоторые современные исследователи называют основной причиной краха Российской Империи, так же как и последующего распада Советского Союза, «перегруженность центра» властными полномочиями и угнетенность бесправной периферии и «титовых республик». Принято обуславливать необходимость федеративного устройства России также ее огромными размерами и множеством компактно проживающих на территории России самобытных народов. Российской империи – унитарной по

своей форме государственного устройства – были присущи дифференцированный подход, выверенная гибкость в формах и методах управления регионами. Как отмечалось выше, допускалась определенная децентрализация управления на местном уровне с учетом территориально-географических, национально-этнических и культурно-исторических особенностей соответствующих территориальных образований, куда относится и Башкортостан.

Как видно, становление регионального права на основе башкирской государственности связано с местным управлением, определяемым Золотой Ордой и ее преемниками, Московской Руси и ее преемниками. Требования изменения (сохранения) условий вхождения в Российское государство, выдвигаемые в ходе народных волнений и трансформации Российского государства в целом указывались в башкирских восстаниях, наказах в Новом Уложении, образовании Малой Башкирии и деятельности Башкирского Шуро, проектах Конституции Башкирии 1925, 1937, 1978, 1993 гг.

Идеи и практика суверинизации России и Башкортостана всегда были и остаются полем идеологической, политической, социальной борьбы между сторонниками этих двух направлений. С одной стороны, движение в сторону мировых стандартов качества жизни – ценности индивидуальной личности, прав и свобод человека, экономической и политической свободы, приоритета прав и свобод человека перед правами наций, народов, перед государством, – разумеется, при взаимной связанности, взаимных обязанностях гражданина и государства, человека и общества и т.д. А с другой – сохранение, консервация устаревших, отживших, архаичных, гиперболизированных, общинно-коллективистских форм жизни. Такова реальность, оказывавшая и оказывающая столь мощное воздействие на государственно-правовую жизнь России и Башкортостана, правотворческие технологии в создании региональных нормативных актов [48, с. 10-12], закономерности развития юридического закрепления государственно-правового и политико-правового механизма.

По признанию профессора М.А. Аюпова, «децентрализация федеральной власти влечет за собой повышение политико-государственной самостоятельности и ответственности регионов, автономизацию их политической жизни с точки зрения организации власти, развития институтов гражданского общества, демократии, обеспечения прав и свобод граждан, динамики и характера региональных политико-трансформационных процессов». Он считает, что в цивилизованном соединении достоинств национально-государственной консолидации и децентрализации власти – источник и неисчерпаемые ресурсы стабильности и демократического развития современных государств [49, с. 26-27]. Отсюда определение регионального права по материалам республики должно быть направлено на выявление тенденций становления государственности других субъектов Российской Федерации и закономерности формирования российского федеративного государства.

Предложенная двуединая концепция регионального права в Российской Федерации означает единство институционального (государственного) и поведенческого (правового) аспектов, которое проводилось в трудах Н.И. Крылова, Р. Иеринга, Б.А. Кистяковского, Н.А. Гредескула.

Основанием такого подхода служит правовая жизнь. Последняя включает все

формы юридического бытия общества и выражается в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных). В то же время она характеризует специфику и уровень существующей юридической действительности, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов [50, с. 14-15]. Если считать, что правовую систему как ценность, как потребность в общественной жизни (ибо право – социальный институт, адаптированный к особенностям жизни конкретного народа), то правовая жизнь есть одно из условий существования государственно-организованного общества, которое призвано определенным образом оформлять личную, государственную и общественную жизнь любого этапа развития федеративных отношений [51, с. 429]. Причем концепция регионального права тесно взаимосвязана с принципами национально-государственного устройства Российской Федерации.

Вышеизложенное позволяет выявить общие тенденции становления прежнего правотворчества и возможные сценарии развития современного федерального и регионального законодательства.

Вариант первый – ориентация на механическое увеличение количества федеральных законов. Однако она не может дать необходимые результаты, т.к. в полной мере не учитывает региональные особенности. **Вариант второй** – автономное развитие федерального и регионального законодательства. Оно может совершенствовать российскую правовую систему, но излишняя стремительность темпов регионального законодательства может повлиять на реализацию федеральных законов. **Вариант третий** – сохранение прежних соотношений федеральных и региональных законов, указов и иных подзаконных актов. Однако оно может привести к ослаблению федерального и регионального законодательства. **Вариант четвертый** – игнорирование объема децентрализации федеральной власти, которая строится по принципу горизонтальной власти, как основа прямой демократии может приостановить формирование гражданского общества и ослабить социальный эффект действия региональных законов [52, с. 68] на совершенствование федерального законодательства. **Вариант пятый** – одновременное развитие федерального и регионального правотворчества может привести к обеспечению государственной целостности федерации и реализации федеральных и региональных законов в их единой системной связи [53, с. 57-85].

Как видно, автором **исследованы** общие и частные признаки и особенности становления и развития федерализма в России; **выявлены** тенденции формирования договорных федеративных отношений; **анализированы** условия и причины возникновения различных видов Федераций; **показана** универсальность и комплексность регионального права, так как оно является правовым средством закрепления любой формы государственного устройства – для федерализма оно является основанием, для унитаризма – разновидностью правовой системы, для конфедерации – источником права; **обоснована** идея о возможности формирования федерализма в мировом обществе по образцу «Положения о башкирах» в виде дискреционного регионального права и регионально-проконституционного законодательства.

Список литературы и примечания:

1. Отсюда гипотеза о всеобщем равновесии и компромиссе в происхождении и

развитии государства и права.

2. Алиева И.Х. Проекты государственно-правовых реформ и модель формы правления для России: Автореф... канд. юрид. наук. Н-Новгород, 2012.

3. Рубинштейн Н.Л. К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-80 годов XVIII в. Исторические записки. Т. 40; Рындзюнский П.Г. Движение государственных крестьян в Тамбовской губернии в 1842-1844 гг. Исторические записки. Т. 54.

4. Пичета В.И. Институт холопства в Великом Княжестве Литовском в XV-XVI вв. Исторические записки. Т. 20.

5. Вся степь от Дуная до Поволжья называется Кыпчакской Степью или «Дешт-и-Кыпчак». Когда монголы захватили «Дешт-и-Кыпчак», кыпчаки стали основной силой Золотой орды // <http://ru.wikipedia.org>; Евстигнеев Ю.А. История и хронологическая трансформация содержания термина «кыпчак» // Проблемы востоковедения. 2012/1 (55).

6. Исянгулов Ш.Н. К вопросу о башкирском происхождении титула «кара-хан» // Проблемы востоковедения. 2012/1 (55).

7. Можно считать, что это было разновидностью современного делегирования полномочий, т.к. установленная власть договором позволяла реализовать полномочия края по своему усмотрению. См.: Энциклопедический словарь. Общество и государство. М., 2003.

8. Поскольку дискреционное право базировалось и на шариатском праве, постольку оно является основанием регионально-религиозной, политико-правовой автономии в федерации (Бурзянской или иной) и становится неотъемлемой частью управления краем на любом этапе развития федеративных (протофедеративных) отношений России и Башкортостана.

9. Отсюда гипотеза: доисторический период Башкортостана характеризуется отсутствием государственности, т.к. каменный, бронзовый и железный периоды времени предшествовали письменности и оседлости, а оставили следы лишь в вещественных памятниках и в народных преданиях // http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron; Для России историческая эпоха наступила в IX в., для греков и римлян — за несколько веков до рождения Христа, для Египта и Ассирии-Вавилонии — за четыре тысячелетия до нашей эры // <http://ru.wikipedia.org/>

10. Дискреционное региональное право свидетельствует о концепции «тождественной истинности» параллельного формирования «прорегионального законодательства» и «прогосударственного объединения». Это соотношение государства и права на основе оседлости населения не учитывается историками (Мажитов Н.А. Предки башкир – не дикие кочевники, а народ, имевший государственность // РБ. 2007. 13 мар.; Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XIII вв. Свердловск, 1991. С. 30-35), а юристы считают, что кочевники сильнее оседлых. См.: Самигуллин В.К. Государство (общетеоретические очерки). Уфа, 2012.

11. <http://ru.wikipedia.org>

12. Kelsen H. Das Problem des Souveranitat und die Theorie des Volkerrechts. Tubingen, 1928.

13. Ago R. Regles generales des conflits des lois. RdC. Т. 58. P., 1936.

14. Savigny F.K. System des heutigen Romischen Rechts. В., 1848. Bd. 8.

15. ПСЗ. Т. XXXIX. № 40457.

16. ПСЗ. Т. IV. № 2218.

17. ПСЗ. Т. XX. № 14392.

18. В работе обосновывается гипотеза о начальном этапе формирования регионального права Башкирии со дня заключения договора с монголами о дружбе и союзе, поскольку в нем была определена самостоятельность башкир // Ватандаш. 2008. № 8.

19. Современное конституционно-уставное региональное право обеспечивается: закреплением юридического верховенства Конституции РФ на всей территории страны (ч.1 ст. 15 Конституции РФ); определением сфер исключительной (ст. 71.) и совместной компетенции Федерации и ее субъектов (ст. 72 и ст. 73); установлением приоритетов законодательства РФ и ее субъектов; гарантированностью самостоятельности субъектов РФ в сфере законодательства; введением договоров и соглашений между РФ и ее субъектами в число источников конституционного права и возможностью в этой связи договорно-правового регулирования внутри федеративных отношений; определением общей процедуры разрешения юридических споров и коллизий путем отнесения к ведению РФ федерального коллизионного права.

20. Ерошин А.П. История государственных учреждений в дореволюционной России. М., 1965.

21. Блохин Ю.В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных (на примере нетипичных предписаний): Дисс... канд. юрид. наук. М., 1991.

22. Современные термины: «политическая субъектность регионов», «региональная политическая субъектность», «государственная субъектность» «субъект политики», «субъекты федерации», понимаемые как синонимы, применимы прежним взаимоотношениям Башкортостана и России, поскольку они толкуются в смысле «самостоятельности», «суверенности», «полномочий субъектов» отдельного края.

23. Давыдова М.Л. О юридической природе нормативно-правовых предписаний: основные научные концепции // Журнал российского права. 2003. № 10.

24. В этом плане интересные мысли см.: Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.

25. Аналогичные предложения высказаны и другими авторами. См.: Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960; Зиманов С.З., Идрисов К.З. Общественно-политические взгляды Мухаметжана Сергалина. Алма-Ата, 1989; Мухамеджанов Э. Особенности организации выборов акимов административно-территориальных единиц // Мир закона. 2001. № 8.

26. Более подробно см.: Шаяхметов Ф.Ф. Между Великой Степью и оседлостью: процессы седентаризации башкир и распространения земледелия в XVII–XIX веках. Уфа, 2005; Мауль В.Я. К вопросу о формировании сословия «башкир-вотчинников». Казань, 2010; Самойлов Ф. Малая Башкирия в 1918-1920 гг. Из истории первого опыта советской национальной политики. М., 1933.

27. К сожалению, не были предметом анализа труды: Гмелин С.Г. Путешествие по России для изследования трех царств соотечества. СПб., 1777. Ч. II. 308 с.; Семенов П.П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1901. Т. VI. 479 с.; Ахматов И. Исторический, хронологический и географический атлас Российского государства. СПб., 1901. 638 с.; Строев П.М. Ключ, или Алфавитный указатель к «Истории государства Российского». СПб., 1991. 532 с.

28. Научные достижения последних лет подтверждают высказывания этнографа, краеведа М.В. Лоссиевского о том, что «история башкир могла бы внести не мало весьма интересных страниц в общерусскую историю, но за разработку для этого необходимых материалов ни кто еще серьезно не принимался, значительная часть их ист-

лежит нетронутой в архивах». См.: Лоссиевский М.В. Кое что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем. Уфа, 1907.

29. Список трудов в рамках «Общества по изучению местного края» подробно см.: Ишкулов Ф.А. Судебно-административная реформа в Башкортостане. Уфа, 1994.

30. Вызывает недоумение отношение В.К. Самигуллина к утверждению М.Ф. Маликова о том, что до принятия Конституции 1937 г. для БАССР служила Конституция РСФСР 1918 г. См.: Самигуллин В.К. Конституционное развитие Башкирии. Уфа, 1991.

31. Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – в первой половине XVIII в. Свердловск, 1991; Он же. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 1. Уфа, 1956.

32. Мальцев В.П. «Ключ» государства Московского. Исторические записки. Т. 8.

33. Еникеев З.И., Еникеев А.З. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 2007.

34. Еще одна гипотеза о начальном этапе формирования государственности Башкортостана после проникновения к башкирам арабской письменности.

35. Основной отличительной чертой суннитов является приверженность в правовых вопросах одной из четырех общепризнанных суннитских правовых школ (мазхабов фикха) и следование в вопросах вероубеждения асаритской, ашаритской, либо матурдитской школе (мазхабу акиды). К суннитам также относят салафитов (Саудовская Аравия, Катар, Кувейт и ОАЭ) и суфиев // <http://ru.wikipedia.org>

36. Кузеев Р.Г. Происхождение башкир. Уфа: Гилем, 1996.

37. Маликов М.Ф. Рецензия на монографию Н.А. Мажитова, А.Н. Султановой «История Башкортостана. Древность. Средневековье» // Проблемы востоковедения. 2012. № 1.

38. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Китап, 1999.

39. Башкирские шежере / Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960; Шежере донесли до нас имена башкирских князей Бикбау, Мешавли Кара-Кузяка, Искэбия, шагали Шакмана и др.

40. Максютов Т.Р. К истории договорных отношений Башкортостана и России // Российский Федерализм: история и современность: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Башкирского государственного университета и 90-летию подписания «Соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии». Уфа: РИО БашГУ, 2009.

41. Самигуллин М.В. Конституционно-правовая мысль дореволюционной России (1730 - 1883 гг.): историко-правовое исследование: Дисс... канд. юрид. наук. Уфа, 2007.

42. По определению Н.М. Карамзина, система уделов была характером первой эпохи, единовластие – второй, изменение гражданских обычаев – третьей. См.: Карамзин Н.М. Об истории государства Российского. М., 1990.

43. Пастухова Н.Б. Суверенитет и федеративная организация российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты. М., 2010.

44. Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале древней Руси // Основа. 1861. № 1.

45. Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002.

46. См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2011; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 2004; Бенин В.Л. Очерки по культуре народов

Башкортостана. Уфа, 1994; Халфин С.А. Актуальные задачи исторических наук и перспективы их развития в Башкортостане. Уфа, 1995.; Валеев И.И. Башкиры в источниках. Уфа, 2009.; Закиев М.З. Этногенез тюрков, болгар и башкир. Уфа, 2011.

47. Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX в. // Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997.

48. Маликов М.Ф. Механизм согласования федерального и регионального законодательства. Комплексное научно-правовое исследование: В 5 ч. Ч. 1. Методология изучения механизма согласования федерального и регионального законодательства. Уфа: АН РБ, Гилем, 2008.

49. Аюпов М.А. Государственная субъектность Республики Башкортостан в системе политико-властных отношений Российской Федерации // Власть. 2009. № 12.

50. Малько А.В. Правовая жизнь и правовая политика // Государство и право на рубеже веков. М., 2001.

51. В XIII в. башкир называли «БашДжерд», «Баш-Керд», «Башкирд», «Басджарт». См.: Антонов И. Башкиры в письменных источниках XIII-XIV вв. // Истоки. 2004. № 27. Слово «Баскирдия» (Башкирия) употреблялось в XIV в. См.: Гумилев Л.Н. Указ.соч. (сноска № 46).

52. «Положение о башкирах» впервые было признано самостоятельным правовым основанием регионального права // Маликов М.К. (Ф.) Проблемы реализации суверенитета Республики Башкортостан. В 3 томах. Т. 1. Концепция конституционного суверенитета РБ. Стерлитамак: Изд-е Башкирск. ун-та.

53. Маликов М.Ф. Механизм согласования федерального и регионального законодательства. Комплексное научно-правовое исследование: В 5 ч. Ч. 4.: Маликов М.Ф., Минеев Е.М. Двухуровневое правовое регулирование в Российской Федерации: теоретико-методологические основы. Уфа: АН РБ, Гилем, 2010.